

Добравшись до земель Юнчжоу, Возничий сообщил Чжуану Шаогуну, что они находятся в месте слияния рек Сяо и Сян, которое изящно именуют Сяосян.

Только тогда Шаогун вспомнил строки из «Ши цзи»: «Шунь странствовал на юге и скончался в полях Цанью, погребён был в Цзяннани на горе Цзюи». Предание гласило, что император Шунь обрёл покой здесь, в горах Цзюишань. Его две верные супруги, девы Сяо и Сян, проливали слёзы над бамбуком, прежде чем броситься в воды и последовать за мужем в мир теней. С тех пор на здешних стеблях навечно проступили пятна, и люди прозвали их «бамбуком плачущих наложниц» или «бамбуком слёз».

Глядя в окно повозки на мелькающие вдоль дороги бамбуковые заросли, сплошь покрытые тёмными отметинами, Шаогун не удержался от вздоха:

— Воистину, женские слёзы — страшная сила. Плакали две наложницы — и бамбук покрылся пятнами; рыдала жена Ци — и рухнула крепостная стена; запела в слезах Хань Э — и люди в округе три дня не могли прикоснуться к еде... Не зря отец говаривал: истинному мужу подобает проявлять терпение и уступчивость, лишь бы не доводить женщину до слёз. Наш род Чжуан процветает лишь потому, что в семьях царит любовь и согласие, а младшие знают своё место и соблюдают приличия. — С этими словами он легонько подтолкнул Умина за плечо. — Ты слушаешь меня?

Умин даже глаз не разомкнул. Пропуская наставления мимо ушей, он лишь плотнее прижал платок к лицу:

— К твоему сожалению, я не женщина.

Шаогун вспыхнул. «Неужто он так хвалит уклады моего дома? — пронеслась в голове нелепая мысль. — Мол, девице, что выйдет за меня, суждено лишь блаженствовать?»

Тем временем повозка въехала на улицы Юнчжоу. Был час утреннего базара, и вдоль дорог всюду распинаясь лоточники.

Возничий спрыгнул на землю и повёл лошадей под уздцы. Нынешний император в своём почтении к законам превзошёл всех легистов прошлого: поговаривали, что, начертав киноварную резолюцию, он обязан был положить кисть идеально ровно — малейший перекосяк лишал его покоя. Посему на городских улицах строго-настрога запрещалось нестись вскачь. Нарушителей ждали три сотни палок и ссылка за тысячи ли, а особо непокорных и вовсе выставляли на плаху — в подробности вдаваться нужды нет.

Бросив взгляд на восточную стену рынка, Возничий увидел череду развешанных указов о розыске. Большинство из них касались обычных душегубов, но один привлекал внимание больше прочих: на нём был изображён юноша.

С портрета смотрел болезненный молодой человек, опустивший взгляд на платок в руках.

Рядом значилось: «Увидевшему — немедля донести властям».

Возничий невольно покосился на повозку, из-за занавесок которой донёлся сокрушённый вздох Шаогуна:

— Глядя на тебя, кажется, будто ты вконец пал духом и жизнь тебе более не мила. Потому я и указал тебе на этот бамбук, а ты и не взглянул. Раз уж прибыли в Юнчжоу, давай сделаем привал на день, прогуляемся. Это лучше, чем киснуть в карете.

Не дождавшись ответа, Шаогун добавил:

— Впрочем, можешь оставаться. Я загляну на подворье, найду кого-нибудь, чтобы передать весточку домой.

— Твоё письмо, — Умин наконец сухо кашлянул, и голос его зазвучал на удивление твердо, — не каждому под силу доставить.

— Это ещё почему?

— У меня есть один знакомый, служит в управе. Можешь передать через него.

Шаогун никак не ожидал, что у этого бродяги найдутся друзья, да ещё и в судейских кругах. Сгорая от сомнений, он велел править к управе. Так, одна повозка, две лошади и трое путников предстали перед воротами префектуры.

Управа Юнчжоу высилась величаво и грозно: алые врата, чёрные ограды, каменные львы на страже и повсюду каллиграфические свитки. Шаогуна вдруг пронзила мысль: Умин отнял жизни у лесных разбойников, и теперь всему клану Чжуан из сотен душ не избежать ответа. Он почувствовал головокружение. «Предки говаривали: если сердце чисто, то и в тёмной комнате сияет лазурное небо», — подбодрил он себя. Ему всё равно придётся встретить судьбу лицом к лицу. С трудом сохраняя самообладание, он шагнул вперёд.

В это время внутри управы префект как раз заканчивал завтрак. Вбежавший слуга доложил:

— Господин, там у ворот просят аудиенции.

— Кто таков?

— Назвался Умином, — слуга огляделся по сторонам. — Господин... вы где?

— Старик под столом, — донёлся приглушённый голос префекта. — Где этот бог чумы? Зачем

пришёл?

— Стоит у ворот, говорит, ищет констебля Ина.

— Кто-то ищет меня? — в комнату вошёл мужчина с саблей на поясе. — Дядюшка, вы чего это на полу расселись?

Увидев племянника, префект поднялся и, горько плача, обнял его:

— Дорогой мой, как же ты умудрился насолить этой злосчастной звезде!

Тот на миг опешил, но быстро сообразил:

— Умин?

Услышав это имя, префект без лишних слов снова нырнул под каменный стол.

— Дядюшка, не бойтесь, — констебль отложил саблю и помог старику встать. — Он пришёл ко мне. В прошлом году, служа в Ведомстве наказаний, я не сумел схватить его в срок. За нерадение меня наказали сотней палок и поперли со службы. Лишь благодаря вашему приюту я сегодня при деле.

Префект впал в полное отчаяние:

— Родной мой, так это он тебя погубил... Ну всё, не быть мне больше человеком! Соберу печать, упакую серебро и сегодня же в столицу — подам в отставку. Пусть все разбегаются, спасайте свои жизни!

Ин Цзиньюй — а это был именно он — возразил:

— Что вы такое говорите, дядюшка? Разве я из тех, кто дрожит за свою шкуру? Если он пришёл ко мне, значит, на то есть причина.

Шаогун долго томился у ворот, пока его не пригласили в задний сад. Только тогда он поверил, что у Умина и впрямь есть друг в законе. В саду, у каменного стола, он увидел статного мужчину в чёрном плаще поверх алых одежд. Тот, сжимая рукоять сабли, громогласно воскликнул:

— Умин, ты, проклятый преступник! Я тебя не искал, а ты сам в пасть льву лезешь?

Услышав слово «преступник», Шаогун побледнел. Дыхание перехватило, его пошатнуло. Умин,

придерживая его под локоть, бросил констеблю:

— Орлиный коготь Ин, это Молодой господин Чжуан. Он привёл меня с повинной.

Услышав о статусе Шаогуна, Ин Цзиньюй тоже переменялся в лице. Он окинул гостя взглядом, словно пытаясь разгадать его непостижимую глубину, а затем повернулся к Умину:

— Ладно, посмотрим, какие фокусы ты затеял. Твоим злодеяниям нет счёта, в чём на этот раз признаваться будешь?

— У подножия горы Байчжан я до смерти напугал разбойника.

— И всё?

— Ещё ранил прислужника в «Лавке забоя овец».

Ин Цзиньюй шумно втянул воздух. Приблизившись к Умину, он прошептал ему на ухо:

— Может, отойдём? Поговорим с глазу на глаз?

Умин медленно, словно каждое движение давалось ему с великим трудом, сделал шаг в сторону:

— Говори.

— Нельзя ли... — выдавил Ин Цзиньюй, — отойти ещё на сотню шагов?

Миновав сотню шагов и оставив позади Шаогуна, возничего и стайку подглядывающих чиновников, они поднялись в беседку на вершине альпийской горки.

— Умин, ты всё так же не ведаешь границ, — заговорил констебль. — Эта «Лавка забоя овец» — точка Врат Духовной Настройки. Здесь тебе не Яншо. Неужто ты не понимаешь, почему там торгуют человечинной и почему никто не смеет их тронуть?

Умин, используя внутреннюю силу, ответил техникой «передачи звука»:

— Я пришёл к тебе не за этим.

— Эх, знаю я, что тебе плевать на Врата Духовной Настройки. Но они вцепились в тебя мёртвой хваткой. Зачем ты притащил эту беду в Юнчжоу?

Умин пропустил упрёк мимо ушей:

— Я перехватил ящик ценного груза у бандитов. Забирай себе, распорядишься как знаешь.

— Ты хочешь сказать — товар слишком горячий и тебе не по зубам? Я из самой столицы скатился до этой дыры, с пятого ранга до последнего ничтожества, а ты снова хочешь втянуть меня в свои грязные дела!

Умин продолжал гнуть своё:

— А потом отправишься в поместье Чжуан и доставишь письмо.

— Тьфу! Идти во Врата Бедствий с письмом? Совсем сдурел? Да я и порога не переступлю — прихлопнут!

— Ходят слухи, что ты, Ин Цзиньюй, в стрельбе уступаешь лишь Уди, да и то на самую малость. Неужто с полули не сможешь засадить стрелу с письмом прямо в ворота?

Ин Цзиньюй нахмурился:

— Выстрелить-то я смогу, мой Лук предельной инверсии и не на такое способен. Но я по уши в делах. Девятого числа девятого месяца в Цзиньлине, в Союзе Неба и Земли, будут выбирать зятя через боевое состязание. Если бы не твоё появление, я бы уже взял отпуск и был в пути. Мне недосуг развозить твои грамотки.

— Выбирать зятя?

— Именно. Глава союза Е ищет мужа для своей драгоценной дочери, Е Яньлань. Ты что, не слышал?

— Хм. Ты, простой констебль без роду и племени, метишь в мужья дочери Е? У тебя хоть приглашение есть?

— А как же! Думаешь, я тебе зубы заговариваю? — Ин Цзиньюй извлёк свиток, запечатанный огненным воском с оттиском ястреба. — Мой приёмный отец некогда был главой всего боевого союза. Это лишь после того, как власти прибрали всех к рукам, мир разделился на Союз Горных Пиков и Союз Неба и Земли. К тому же, поищи-ка в Поднебесной второго такого, кто учился бы в Академии Сынов Отечества и носил пятый чин. Глава Е пригласил меня по праву.

Умин, сохраняя свой обычный апатичный вид, прикоснулся пальцем к приглашению и резко щёлкнул по нему.

Бумага разлетелась, словно стайка испуганных бабочек — обрывки закружились в воздухе, осыпая лицо констебля.

Ин Цзиньюй застыл, сжимая в руке лишь жалкие клочки. Он опешил. Ему доводилось видеть мастеров, способных ладонью дробить камни, но чтобы одним щелчком пальца превратить мягкую, податливую бумагу в пыль... это было сродни колдовству.

— Приглашения больше нет, — невозмутимо подытожил Умин. — Теперь у тебя полно времени, чтобы доставить письмо.

Ин Цзиньюй всё ещё не мог поверить глазам. Он-то считал их друзьями, готовыми стоять друг за друга горой, а Умин вот так просто лишил его шанса на счастье! А присмотревшись к лицу побратима, он понял: тот прекрасно знал о состязании. Умин попросту устранил опасного конкурента!

— Ах ты, бесстыжая метла несчастья! — взорвался констебль.

— Твой дядя — префект Юнчжоу? — вкрадчиво уточнил Умин.

Ин Цзиньюй осёкся, осознав угрозу. Прощедив сквозь зубы, он выдавил:

— Ладно! Не трогай дядю, я всё доставлю.

Чжуан Шаогун, сидя на каменной скамье, чувствовал себя так, будто сидит на иголках. Он с замиранием сердца наблюдал за беседой в беседке. Издалека он видел лишь облако бумажной крошки, вылетевшее из-под крыши, и то, как человек в алом яростно замахал кулаками.

— Молодой господин, отведайте граната? — возничий протянул ему плод, поднесённый услужливым слугой.

Шаогун лишь горько усмехнулся:

— Какая уж тут еда... Ма-возничий, как же вышло, что Умин — государственный преступник?

Возничий добродушно рассмеялся:

— Тот, кто «переваливает через горы и сокрушает их», не может быть праведником в глазах властей. Но не убивайтесь так, господин: все Пятеро Бедствий — преступники. Если открыть архивы Ведомства наказаний, там найдётся место для каждого из восьми врат и всех мастеров союзов, не считая разве что самых покладистых из Союза Горных Пиков.

От такого утешения Шаогуну стало только хуже. Он почувствовал головокружение. Неужто весь этот славный мир боевых искусств — лишь сборище отверженных сорвиголов?

С малых лет он изучал труды мудрецов, знал, что император правит по мандату Неба, устанавливая законы и наказания ради порядка. Он верил, что человек должен соизмерять свои добродетели с Небом, разум — с сиянием светил, а жизнь — с порядком времён года. Ни в одном учении не говорилось, что творить беззаконие — это благо. И вот, познав всё это, он обнаружил, что его собственный дом стал прибежищем для мятежников... Смертельно бледный, он молча прижал руку к сердцу.

Возничий Ма заботливо похлопал его по спине и негромко произнёс:

— Молодой господин, посмотрите на это иначе. У двора свои законы, а у Поднебесной — свои неписанные правила. Но даже если забыть о тех и других, важно лишь одно: кем ты сам хочешь быть. Неужто человеку нужны одни лишь путы законов, чтобы оставаться человеком? В начале времён, когда не было царей и указов, люди всё так же делились на добрых и злых. Иные же, даже будучи скованы законом, принимают за добродетель лишь собственный страх. Они забывают, что человек — не трава и не камень. С глубокой древности в нас заложено нечто более важное. То, что мы зовём сердцем.

Шаогун слушал вполуха; слова возничего казались ему едва ли не кошунственными, но в них крылась правда, которую он пока не мог до конца осознать. Этот Ма-возничий всегда находил, что сказать. Его речи дышали пренебрежением к власти, но в них чувствовалось искреннее желание утешить.

И всё же страх не отпускал. Как он мог не бояться? На его плечах лежала забота о престарелых родителях и жизни сотен людей рода Чжуан. Он не хотел, чтобы Умин или этот добрый возничий причиняли боль другим или сами пали от чужой руки...

Ведь он был их молодым господином.

<http://bllate.org/book/17481/1693236>